

УДК 37+39(575.4)

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗА
АХАЛТЕКИНСКОГО КОНЯ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА**

Аннагулыева М.М.

В статье проводится историко-педагогический анализ образа ахалтекинского коня как фундаментальной ценностно-смысловой доминанты туркменской этнопедагогике. Автор исследует репрезентацию скакуна в героических эпосах «Гёроглы» и «Книга моего деда Коркута», раскрывая дидактический потенциал взаимодействия системы «всадник – конь». В работе обосновывается, что в народном сознании ахалтекинец выступает не только как эстетический идеал, но и как активный субъект нравственного воспитания, способствующий формированию у молодежи эмпатии, ответственности, мужества и гражданской идентичности. Особое внимание уделено институту наставничества «Халыпа – шагирт» и современным формам институционализации национальных традиций, таким как деятельность Международной академии коневодства имени Аба Аннаева и группы национальных конных игр «Галкыныш». Автор делает вывод о преемственности этнопедагогических методов, которые в современных условиях трансформируются в эффективный инструмент патриотического воспитания и культурной дипломатии Туркменистана.

Ключевые слова: этнопедагогика, ахалтекинский конь, туркменский эпос, нравственное воспитание, наставничество, национальные традиции, Коркут ата, Гёроглы.

**CONCEPTUAL CONTENT OF THE AKHAL-TEKE HORSE IMAGE
IN TRADITIONAL TURKMEN PEDAGOGICAL THOUGHT**

Annagulyyeva M.M.

The article provides a historical and pedagogical analysis of the Akhal-Teke horse image as a fundamental axiological and semantic dominant of Turkmen ethno-

pedagogy. The author examines the representation of the stallion in the heroic epics “Gorogly” and “The Book of Dede Korkut”, revealing the didactic potential inherent in the interaction within the “rider – horse” system. The study substantiates that in the national consciousness the Akhal-Teke horse serves not only as an aesthetic ideal but also as an active subject of moral education contributing to the development of empathy, responsibility, courage, and civic identity among the youth. Special attention is paid to the “Halypa – Shagirt” (Master – Apprentice) mentorship institute and modern forms of institutionalising national traditions such as the activities of the Aba Annayev International Academy of Horse Breeding and the “Galkynysh” national equestrian games group. The author concludes that there is a profound continuity of ethno-pedagogical methods, which under contemporary conditions are transformed into an effective instrument for patriotic education and the cultural diplomacy of Turkmenistan.

Keywords: ethno-pedagogy, Akhal-Teke horse, Turkmen epic, moral education, mentorship, national traditions, Korkut Ata, Gorogly.

Историко-педагогический анализ развития туркменского этноса свидетельствует о детерминирующей роли ахалтекинского коневодства в формировании национального самосознания и системы воспитательных идеалов. В глобальном цивилизационном контексте ахалтекинское коневодство дефинируется как уникальный пласт общечеловеческой культуры, интегрирующий в себе материальные и духовные достижения народа. Традиционные педагогические воззрения туркмен находят свое концентрированное выражение в паремиологическом фонде (пословицах и поговорках), где образ скакуна наделяется антропоморфными и сакральными характеристиками. Аксиологическая значимость коня фиксируется в таких народных афоризмах: «At rysgaly alnynda» (Благодать коня – в его челе) [9, s. 245], постулирующем идею предопределенности успеха и благополучия через связь с конем; «Asly haýwan, akly unsan bedewim» (По происхождению – животное, по разуму – человек) [9, s. 91], что указывает на признание высокого

когнитивного и эмоционального интеллекта животного, превращающее процесс воспитания коня в субъект-субъектное взаимодействие; «At münen hassa bolsa, sag olur» (Всадник, будучи недужным, на коне исцелится) [9, s. 193], отражающем древние представления о психосоматическом и терапевтическом воздействии взаимодействия с конем на личность.

Концептуальное ядро народной педагогики раскрывается через категорию «myrat» (высшее благо, венец желаний), закрепленную в изречении «Atdyr ýigidiň myrady» [5, s. 219]. В данном контексте обладание ахалтекинским конем интерпретируется не как материальный актив, а как достижение особого онтологического статуса, «состояния души». Этнопедагогический аспект данного феномена заключается в катарсическом воздействии. В народном сознании утвердилась установка, согласно которой взаимодействие со скакуном способствует ментальному очищению и ясности мышления субъекта. Таким образом, образ ахалтекинского коня выступает не просто атрибутом жизненного уклада, но фундаментальной константой мироощущения туркмен, органично синтезированной с системой традиционных педагогических воззрений, направленных на формирование гармоничной, волевой и духовно развитой личности.

В системе этнопедагогических воззрений туркменского народа репрезентация образа коня в героическом эпосе («Книга моего деда Коркута», «Гёроглы») занимает центральное место, выступая в роли аксиологического ориентира. Почитание скакуна как верного соратника доблестного джигита выходит за рамки художественного вымысла, представляя собой глубокую дидактическую установку на формирование маскулинного идеала. С позиции народной педагогики, эпическое наследие функционирует как методологическая база для инкультурации подрастающего поколения, транслируя такие качества, как эмпатийная ответственность, стойкость духа и ценностная преемственность. Отношение героя к коню в эпосе постулируется в качестве эталонной модели гуманного взаимодействия субъекта с окружающим миром. Конь дефинируется как «зеркало» всадника – объективный индикатор

его мужества и волевой готовности к преодолению экзистенциальных вызовов. В этом контексте традиция «сейисования» (народного тренинга) рассматривается как важнейший механизм ретрансляции этического кода нации от старшего поколения к младшему.

Особый интерес для этнопедагогического исследования представляет структурно-семантическое поле эпоса «Гёроглы», где образ легендарного Гырата символизирует гармоничный симбиоз человека и природы. Когнитивная связь «всадник – конь» в эпосе интерпретируется как высшая форма эмпатии, при которой животное интуитивно постигает интенции хозяина. Обладая совершенным экстерьером и феноменальной выносливостью, Гырат воплощает в себе антропологический и эстетический идеал, принятый в системе народного воспитания. В критические моменты повествования непоколебимая верность коня служит мощным дидактическим инструментом, формирующим у молодежи императивы чести и надежности. Педагогически значимым является сюжетный мотив попытки хищения Гырата врагами. Стремление противника лишить героя опоры подтверждает научный тезис о том, что в традиционном мировоззрении туркмен конь является экзистенциальным продолжением личности. Таким образом, в системе этнопедагогических координат утрата коня приравнивается к утрате жизненной субстанции и дееспособности, что подчеркивает исключительную ценность обретения верного духовного соратника.

Особого внимания в контексте этнопедагогики заслуживает анализ специфики эмоциональной интеракции между джигитом и его скакуном. В туркменском эпическом наследии образ коня не просто сопутствует герою, но вступает с ним в отношения психологического изоморфизма, при которых качества всадника и коня воспеваются в нерасторжимом единстве. В системе традиционных воззрений *bedew* (небесный скакун) представлен как эмпатичный субъект, сопричастный экзистенциальному опыту героя и соразмерный его духовному масштабу. Яркой репрезентацией этой глубокой связи выступает «Сказание о Бамси-Бейреке» из эпоса «Книга моего деда

Коркута». Описанные в сюжете переживания коня Бозайгыра при встрече с хозяином после шестнадцатилетней разлуки переданы через тонкие психологические демаркации: «Бозайгыр, увидев Бейрека, узнал его. Он поднялся на дыбы и громко заржал». Ответная реакция Бейрека, выраженная в ласке и поцелуе в глаза коня, демонстрирует этнопедагогический идеал гуманности, где межвидовая духовная близость возводится в ранг высшей моральной ценности. Монолог-прославление Бейрека, обращенный к скакуну, содержит глубокие антропоморфные метафоры, в которых конь дефинируется не как биологический объект, а как сакральный родственник: «Не буду звать тебя конем, буду звать братом; ты мне лучше брата... буду звать тебя товарищем; ты мне лучше товарища» [2, с. 41].

Данный фрагмент иллюстрирует механизм социализации образа животного в народной педагогике: конь становится «названным братом», наделенным интуитивным восприятием, зачастую превосходящим рациональный человеческий разум. В системе народной педагогики ключевое значение имеет феномен психоэмоциональной регуляции: считается, что скакун обладает способностью аккумулировать и нейтрализовать негативные ментальные состояния человека, выступая катализатором его волевых усилий. Афоризм «At eýesini tanyr» (Конь узнает хозяина) [9, s. 147] в этнопедагогическом прочтении выходит за рамки визуальной идентификации. Речь идет об энергоинформационном резонансе: ахалтекинец идентифицирует психоэмоциональный фон владельца по тембру голоса, ритму дыхания и даже тактильному контакту. Если всадник пребывает в состоянии когнитивного диссонанса или печали, конь проявляет сублимальную сдержанность; если же хозяин настроен на волевой акт – скакун трансформируется в воплощение стихийной энергии. Таким образом, конь в туркменской педагогической системе выступает как психологический резонатор, способствующий достижению внутренней гармонии личности и её акмеологическому развитию.

В эпосе «Гёроглы» главный герой, сравнивая своего коня с сиянием утренней звезды, обращается к Гырату с восторженным и глубоко личным посвящением, которое подчеркивает его статус защитника и соратника:

*Душу готов я отдать за тебя, мой Гырат,
Ныне настал твой черед Араз-реку преодолеть!
В битвах с врагом ты – опора моя и грозный мой клич,
Ныне настал твой черед соколом быстрым лететь!* [6, s. 65]

Истинный джигит дает высокую оценку стремительности, выносливости и силе своего скакуна, при этом скромно разделяя собственные проявления мужества и отваги с заслугами коня. В этом акте признания кроется глубокий этнопедагогический смысл – воспитание в молодом человеке объективности и умения ценить вклад «другого» в общий успех. В поэтических строках эпоса эта духовная связь достигает апогея искренности:

*О, верный друг мой, статью твоей я восхищен,
Душой тебе предан, внемли же напутствию моему:
Лишь в тебе нахожу я отраду и сердца покой,
В час печали развеешь ты грусти моей пелену!* [6, s. 65]

В народном мировоззрении туркмен скакун обладает уникальной способностью сопереживать человеку, разделяя его радость и скорбь. С психологической точки зрения всадник и конь представляют собой неразрывную систему взаимной эмоциональной поддержки. Однако пронизательность Гырата не ограничивается лишь сферой чувств. В экстремальных условиях или в моменты смертельной опасности скакун проявляет исключительную находчивость, спасая раненых воинов. Показательным примером в этнопедагогическом наследии является эпизод, в котором Гырат, не владея человеческой речью, через слезы и выразительную пластику движений сообщает о беде, постигшей Овеза и Сапара Махрема. Этот сюжет в системе народной дидактики служит мощным инструментом обучения молодежи. Он демонстрирует, что истинная преданность способна преодолеть

любые барьеры, а чуткость к состоянию близкого человека является высшей добродетелью и качеством настоящего гражданина [6, с. 405-406].

Глубина сакральной связи между человеком и конем наиболее экспрессивно проявляется в драматических узлах эпического повествования. В сюжете, где Гёроглы, отправляясь в трудный путь, вынужден временно оставить своего верного Гырата, реакция скакуна описывается в категориях подлинного человеческого горя. В контексте этнопедагогики этот эпизод обладает колоссальным воспитательным потенциалом: герой не отдает приказ животному, а вступает с ним в эмпатичный диалог, утешая своего «духовного двойника»:

Подобен он луне четырнадцатой ночи,

Облик его – как лам-алиф,

Он – сила моих зрячих глаз.

Не плачь, Гырат, не плачь!

Не лей ты слез из глаз своих,

Неверного я камнем побью.

Главный товарищ ты Гёроглы,

Не плачь, Гырат, не плачь! [1, с. 482]

С позиции народной дидактики данный диалог дефинируется как эталон гуманного отношения к живому существу. Конь здесь позиционируется не как техническое средство передвижения, а как личность, наделенная способностью к провиденциальному предвидению. Гёроглы воспринимает скакуна как ближайшего сородича, что служит дидактическим примером неразрывности мужества и доброты. Воспитание всадника в туркменской традиции – это, прежде всего, воспитание души, способной на глубокую привязанность и ответственность перед живым миром. Другой репрезентативный пример психоэмоционального взаимодействия представлен в эпосе «Книга моего деда Коркута» на примере юноши Сегрека. Сюжет о коне, который, будучи привязанным к запястью спящего хозяина, пробуждает его при первых признаках опасности, иллюстрирует концепцию «взаимной опеки». «У коня

ушки на макушке – потянув за повод, он пробуждает юношу» [8, s. 215]. В системе этнопедагогических воззрений этот эпизод демонстрирует, что преданность животного является ответной реакцией на гуманное отношение. Для подрастающего поколения этот пример служит инструментом формирования убежденности в том, что верность – это не механический инстинкт, а результат духовного резонанса, способного в критический момент обеспечить экзистенциальную безопасность человека.

В народном сознании туркмен закреплён императив: «Доблестный джигит не даст в обиду своего коня». В данной установке верный скакун выступает как соратник, верность которому превалирует над любыми материальными благами. Исследование «Сказание о Бугач-хане, сыне Дирсе-хана» из эпоса «Книга моего деда Коркута» позволяет выявить важный аспект формирования нравственной устойчивости личности. В сюжете, где отец Бугача под давлением коварных врагов (намардов) готов без сопротивления отказаться от наследства юноша проявляет твердость духа. Его протест мотивирован не стремлением к материальному обладанию, а долгом перед своим скакуном:

Среди того наследия есть и мой скакун,

Не оставляю я его во власти сорока недостойных! [2, с. 21]

С позиции народной дидактики данный акт сопротивления интерпретируется как способность молодого поколения идентифицировать и защищать свои ценностные идеалы. Отказ «выдать» коня врагу позиционируется в эпосе в качестве проявления высшего благородства и социальной зрелости. Этот сюжет служит мощным педагогическим инструментом для формирования у молодежи понимания того, что истинное мужество заключается в защите тех, за кого человек несет ответственность. В системе традиционных педагогических воззрений конь в данной ситуации выступает как этическая константа: защита скакуна приравнивается к защите собственного достоинства и национального духа.

В эпической традиции туркменского народа скакун репрезентируется основополагающим символом мужества, отваги и физической силы героя. Паремнологический пласт культуры транслирует идею нерасторжимой детерминации между действиями коня и общественным статусом всадника: «Конь трудится – муж гордится», «Пешему воину не на что уповать», «Когда скачут огузские беки – содрогается поле». Эти изречения формируют у молодежи установку на то, что личная результативность и авторитет мужчины в обществе прямо пропорциональны качеству его взаимодействия со своим конем. Особое место в иерархии этнопедагогических ценностей занимают благословения самого Горкута-ата. Его слова: «Пусть не споткнется твой скакун Акбоз в стремительном беге!» [7, s. 119] выходят за рамки простого пожелания удачи. В системе народной дидактики этот концепт акцентирует внимание на стратегической значимости коня как гаранта благополучия социума и суверенитета Родины. Таким образом, ахалтекинский скакун выступает в роли «духовных крыльев» нации и объекта высшей национальной гордости.

Проведенное исследование показывает, что в системе туркменской народной педагогики образ коня является ключевым связующим звеном, интегрирующим индивидуальное мужество джигита в общенациональный контекст сохранения культурного достояния. Образ коня, транслируемый через века, служит фундаментом для воспитания личности, осознающей свою ответственность перед государством и будущими поколениями.

Бесспорно, сохранение уникального генофонда ахалтекинской породы и традиций её воспитания стало возможным благодаря институту народных сейисов (тренеров-наставников). В эпической традиции образ мудрого Джигалыбека олицетворяет тип великого мастера-наставника, передающего Гёроглы не только технические навыки, но и философию искусства формирования коня. Высокая квалификация Джигалыбека как эксперта в области иппологии подтверждается его способностью проводить глубокую психологическую и физиологическую диагностику животного по внешним

экстерьерным признакам и масти. В эпизоде преследования Джигалыбек демонстрирует мастерство прогностического анализа поведения коней противника. Основываясь на данных о масти скакунов преследователей, он выстраивает тактическую модель выживания. Анализируя особенности темно-вороного коня, наставник дает методический совет: «У такого коня глаза серые, белесые. Такие глаза не выдерживают лучей солнца. Скачи в сторону солнца!». При оценке рыжего коня, перенесшего заболевание, мастер указывает на долгосрочные последствия недуга для выносливости животного: «Следы этого недуга не покинут тело животного еще три года. Уходи лесами да чашами, сын мой!» [1, с. 405-406]. С позиции этнопедагогики данные сюжеты иллюстрируют процесс передачи эмпирического опыта и формирования у обучаемого навыков критического мышления. Наставник не просто дает готовые инструкции, он учит анализировать среду, учитывать физические лимиты противника и использовать природу коня как инструмент победы. Таким образом, через диалог наставника и ученика в эпосе фиксируется методология традиционного обучения, где иппологические знания становятся основой для воспитания стратегического мышления и жизнестойкости будущих поколений.

Глубокая эмоциональная детерминация и уникальное национальное мировоззрение в отношении ахалтекинского коневодства находят свое продолжение в современной туркменской литературе. В частности, в романе Национального Лидера туркменского народа, Героя-Аркадага Гурбангулы Бердымухамедова «Имя доброе нетленно» (*Älem içre at gezer*) описывается деятельность Мамиш-сейиса, чьи методы воспитания коней подтверждают исключительность национальной иппологической школы. Специфические приемы сейисования – тщательная селекция кормового ячменя, использование сырых яиц в рационе жеребят, особые методы формирования экстерьера – представляют собой эмпирически выверенную методическую систему [4, с. 23]. Эти народные технологии направлены на достижение физического и эстетического совершенства небесного скакуна, что в рамках этнопедагогики рассматривается как высшая форма трудового воспитания.

Выдающимся носителем этого уникального опыта в истории Туркменистана стала личность Аба Аннаева. Его жизненный путь раскрывается как эталон профессионального служения, сохранивший «золотые правила» народной селекции. В современной государственной стратегии Туркменистана имя Аба Аннаева приобрело статус символа возрождения и актуализации национальных традиций. Ключевым этапом институционализации этнопедагогического наследия стало учреждение в инновационном городе Аркадаге Международной академии коневодства имени Аба Аннаева. Данный научно-образовательный комплекс не только увековечил имя легендарного сейиса, но и придал официальный статус методу наставничества «*halypa – sagirt*» (мастер — ученик). В современных условиях Академия выступает в качестве научно-методического центра, где древние секреты сейисования синтезируются с передовыми инновационными технологиями. Таким образом, традиционные педагогические воззрения, трансформируясь в научно-образовательную систему, позволяют Туркменистану эффективно использовать национальное достояние как инструмент культурной дипломатии и укрепления государственного престижа на мировой арене.

Ярким воплощением жизнеспособности туркменских конных традиций в современном образовательном и культурном пространстве является группа национальных конных игр «Галкыныш» [3, s. 197]. С этнопедагогической точки зрения деятельность этого коллектива представляет собой уникальную прикладную модель трансляции народных знаний. Здесь искусство джигитовки передается от мастеров к молодежи в рамках целостной системы, функционирующей как школа мужества, железной дисциплины и эстетического совершенства. В контексте народного воспитания деятельность группы «Галкыныш» выполняет ряд ключевых дидактических задач:

– Формирование волевых качеств: высокий риск и сложность трюков требуют от участников предельной концентрации, смелости и ответственности за партнера (как человека, так и коня).

— Эстетическое воспитание: синтез грации ахалтекинца и пластики всадника формирует у молодежи эталон красоты и гармонии.

— Патриотическая социализация: триумфальные выступления группы на мировых аренах выступают мощным стимулом для формирования национальной гордости у подрастающего поколения.

Таким образом, группа «Галкыныш» наглядно демонстрирует, что ахалтекинский скакун остается не только сакральным историческим символом, но и активным субъектом современных достижений Туркменистана. Это подтверждает тезис о том, что этнопедагогические традиции народа обладают неисчерпаемым потенциалом для развития личности в условиях глобализации, сохраняя при этом неразрывную связь с национальными истоками.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие теоретические и практические выводы:

1. *Аксиологический статус образа коня.* Установлено, что в туркменской этнопедагогике ахалтекинский скакун является не только объектом материальной культуры, но и фундаментальной ценностно-смысловой доминантой. Образ коня выступает связующим звеном между исторической памятью народа и процессом формирования личности, выполняя роль этического и эстетического идеала.

2. *Дидактический потенциал эпоса.* Анализ героических эпосов «Гёроглы» и «Книга моего деда Коркута» показал, что взаимодействие героя со своим конем (Гыратом, Бозайгыром и др.) служит методологической базой для воспитания таких качеств, как эмпатия, ответственность, верность долгу и гуманизм. Конь в эпической традиции наделен статусом «духовного двойника», что позволяет рассматривать его как активный субъект воспитательного процесса. В контексте гендерной социализации это взаимодействие выступает инструментом формирования идеального мужского образа, где традиционная маскулинность (сила, решительность) гармонично сочетается с «этикой заботы». Через привязанность к коню юноша осваивает культуру чувств, что

позволяет избежать эмоциональной черствости, сохраняя при этом статус воина и защитника.

3. *Эффективность системы «Халыпа – шагирт»*. Выявлено, что традиционная школа наставничества (сейисование) представляет собой уникальную методическую систему передачи не только иппологических знаний, но и моральных императивов. Опыт великих мастеров, таких как Джигалыбек и Аба Аннаев, демонстрирует значимость педагогики примера в воспитании стратегического мышления и трудолюбия у молодежи.

4. *Современная институционализация традиций*. Создание Международной академии коневодства имени Аба Аннаева и деятельность группы «Галкыныш» в городе Аркадаге подтверждают жизнеспособность этнопедагогических методов в современных условиях. Перевод народных традиций в плоскость академической науки и государственного престижа позволяет эффективно интегрировать национальное достояние в глобальное образовательное и культурное пространство.

5. *Перспективы практического применения*. Исследование подчеркивает, что использование образа ахалтекинського скакуна в учебном процессе средних и высших учебных заведений Туркменистана способствует укреплению патриотического сознания и гражданской идентичности подрастающего поколения, выступая мощным фактором культурной преемственности.

Список литературы:

1. Гер-оглы: Туркменский героический эпос / Вступ. статья Б.А. Каррыева. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1983. 805 с.

2. Книга моего деда Коркута. Огузкий героический эпос / Пер. акад. В.В. Бартольда. М.;Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1962. 299 с.

3. Berdimuhamedow G. Atda wepa-da bar, sapa-da. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2019. 310 s.

4. Berdimuhamedow G. Älem içre at gezer. Roman. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2011. 254 s.
5. Berdimuhamedow G. Gadamy batly bedew. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016. 286 s.
6. Görogly. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2012. 464 s.
7. Kitaby dädem Gorkut. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2015. 270 s.
8. Kitaby dädem Gorkut. Aşgabat: Ylym, 2021. 464 s.
9. Türkmen halk nakyllary. Aşgabat: Türkmenistanyň milli medeniýet «Miras» merkezi, 2005. 648 s.

Сведения об авторе:

Аннагулыева Марал Мухаммедовна – кандидат педагогических наук, директор Педагогического училища имени Хыдыра Дерьяева (Мары, Туркменистан); докторант кафедры педагогики Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди (Туркменабад, Туркменистан).

Data about the author:

Annagulyyeva Maral Mukhammedovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Director of Mary Pedagogical College named after Khydyr Deryaev (Mary, Turkmenistan); Doctoral Candidate of Pedagogy Department, Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute (Turkmenabat, Turkmenistan).

E-mail: mannagulyyewa@mail.ru.